
РЕФОРМАТОРСКОЕ НАРОДНИЧЕСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В.В. Зверев

Кафедра истории российской государственности
Российская академия государственной службы при Президенте РФ
пр. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

Статья посвящена анализу закрепления в отечественной историографии термина «либеральное народничество» применительно к умеренному крылу крупнейшего течения общественно-политической мысли России второй половины XIX в. Основное внимание уделено выявлению причин, которые оказали влияние на доминировавшие в дореволюционный период оценки. Наряду с этим автором предприняты попытки наметить возможные изменения в подходах исследования феномена общественной мысли России.

Устойчивый интерес современных исследователей к истории общественной мысли России вполне закономерен как в плане выявления общих тенденций ее эволюции, так и особенностей существовавших взглядов, подходов, проектов (1).

В настоящее время можно констатировать, что внимание уделяется не только философским, социологическим, экономическим и другим аспектам, свойственным либеральному, социалистическому и консервативному направлениям, игравшим главную роль в осмыслении прошлого, настоящего и будущего страны. Напротив, все настойчивей проявляется необходимость типологизации самого явления, уточнения, если не сказать, выработки нового понятийного аппарата.

Обращение к «забытым именам», введение в научный оборот новых документов, пересмотр традиционных оценок, несомненно, является позитивным фактом. Однако при этом, по нашему мнению, по-прежнему происходит использование терминов, которые уже не выполняют функцию структурообразующих элементов, столь необходимых в обобщающих работах. В частности, такие базовые категории, как «мировоззрение», «доктрина», «теория», «концепция», как правило, рассматриваются в качестве синонимов, хотя их близкое смысловое содержание, не означает абсолютной адекватности.

Если говорить о понятии «общественная мысль», то его соотнесение с «общественным движением» также никак не определено. И речь идет не о простой и жесткой их корреляции, которую достаточно легко можно было бы провести через восприятие и реализацию определенных идей в социальной практике. Проблема в другом — в необходимости установления алгоритма существования социальной системы в целом, определяющим элементом которой является взаимоотношение общества и государства. В этом плане уже давно назрела необходимость дать четкое определение «оппозиционности», «освободительного движения» и «революционно-освободительного движения». В противном случае будут по-прежнему нивелироваться многие нюансы, отличавшие мировоззренческие основы взглядов представителей различных течений общественной мысли.

* Публикация осуществляется в рамках исследовательского проекта РГНФ 08-01-00222-А.

Наряду с этим весьма важным представляется и вопрос о соотношении политической направленности определенной системы взглядов с ее социальным содержанием. Ушла в прошлое «жесткая привязка» освободительного движения и его этапов к определенным слоям населения (дворянство, разночинцы, пролетариат). Ленинское видение закономерностей эволюции общественного движения по большому счету не выдержало проверку временем. Сегодня внимание исследователей направленно на выявление закономерностей зарождения и развития различных доктрин, их взаимосвязи с проблемами существования социума (2). Значительное место в этом процессе занимает и определение роли российской интеллигенции, выявлявшей «проклятые вопросы» русской жизни и предлагавшей собственные «рецепты» лечения застаревших социальных болезней.

Справедливости ради следует отметить, что обозначенные проблемы были характерны не только для советского периода отечественной историографии. С определенной долей уверенности можно констатировать, что разноречивость дореволюционных оценок во многом базировалась на политических пристрастиях авторов, их принадлежности к тому или иному идеологическому лагерю. Победа ленинской точки зрения стала лишь закономерным результатом той борьбы, которая развернулась вокруг вопроса об идейном наследии и преемственности способов общественного переустройства. В политическом контексте это не могло не привести к некоторому упрощению и прямолинейности.

В полной мере данные тенденции можно наблюдать при рассмотрении дореволюционной историографии умеренного крыла народничества, получившей эклектичное наименование «либеральное народничество». Задачей настоящей статьи является не только анализ закрепления в науке указанного термина, но и выявление тех причин, которые оказали непосредственное влияние на доминировавшие оценки, а также наметить возможные изменения в подходах исследования феномена общественной мысли России.

В дореволюционной историографии проблема общей эволюции народничества в значительной степени была осложнена «размытостью», неясностью самого понятия «народничество» для историков либеральной и народнической ориентации. Как писал С.А. Венгеров, этот «термин (...) не имеет вполне точного значения» и «употребляется в самых разнообразных смыслах»: от обозначения грубого шовинизма до синонима демократизма и защиты интересов народа (3).

Характерно и определение даты появления самого термина «народничество». Бывший народоволец Л. Тихомиров, также отмечая «туманность» смысла и содержания этого понятия, считал временем его появления середину 70-х гг., когда «новые пропагандисты, созданные учениками Бакунина и явившиеся у нас как *анархисты*, прозвали старых в насмешку «образованниками», а эти их, в свою очередь, прозвали «народниками». Так возникло слово. Первоначально никто сам себя не называл: это было бы странно и даже смешно. Новое слово получило гражданство после известного «шалого лета» 1874 г. с его массовым хождением «в народ», а *народничество* в виде определенного кружка и определенной программы (...) явилось еще позднее, в 1877 г., в так называемом «землевольчестве»...» (4).

Вполне соглашались с указанной точкой зрения и А.Н. Пыпин, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, В.Е. Чешихин (И. Ветринский), Е.А. Соловьев (Андреевич). Датируя появление самоназвания «народничество» серединой 70-х — началом 80-х гг., они склонны были видеть в нем отход от «пламенного народолюбия 70-х гг.», представлявшего собой «помесь народничества с радикализмом и социализмом», к превознесению деревни, идеализации мужика, противопоставлению устоев сельской жизни духовным основам русской интеллигенции. Выразителем оппортунистической тенденции, сродной «славянофильской идеализации общинного и артельного духа» и сводившейся к проповеди «так называемых «малых дел», исключительно культурной деятельности интеллигенции», стала газета «Неделя» и ее публицисты — П.П. Червинский, И.И. Каблиц, Я.В. Абрамов (5).

Во многом противопоставление «народолюбцев» и «народников» было связано с публикацией на шумевшей книге Каблицы «Основы народничества», где эти термины широко использовались автором. Но использование понятийного аппарата не означало согласия с ним. Напротив, Венгеров, Овсяннико-Куликовский, Чешихин, Соловьев совершенно справедливо отметили отход восьмидесятников от «демократизма, радикализма и социализма» предшественников. Однако объяснения причин самой эволюции не дали, ограничившись лишь констатацией процесса отделения от «правоверных народников» группы «Отечественных записок» (Н.К. Михайловский, Г.З. Елисеев, С.Н. Кривенко) и «умеренной формы народничества» (А.Н. Энгельгардт, В.П. Воронцов, Н.Н. Златовратский, П.В. Засодимский, Н.И. Наумов) (6).

Неопределенность классификационных признаков народничества порой приводила к наделению этого направления общественной мысли диаметрально противоположными свойствами. Так, Венгеров его основными чертами считал преимущественно демократические элементы («достояние всей мало-мальски порядочной части русской интеллигенции»): защита общинной формы землевладения, обличение капиталистических инстинктов «нарождающейся буржуазии», защита интересов народа (7). Другой автор, писавший под псевдонимом Л.О., находил в народничестве два течения — «народников-западников» и «народников-либералов». Не видя принципиальных различий между ними, он выступал против общего стремления «рассечь «душу народа» на две половины — симпатичную и несимпатичную — и вести его «по своим идеям». Это, по мнению Л.О., более соответствовало либеральным представлениям о народе, чем желанию выразить его истинные нужды. Подчеркивая общность позиции либералов и народников, автор впервые использовал словосочетание «народники-либералы». Но использовал скорее как метафору, а не как строго научный термин (8).

Более цельную и аргументированную концепцию зарождения и эволюции народничества представил в своей двухтомной «Истории русской общественной мысли» Р.В. Иванов-Разумник. В центре его внимания оказался более широкий круг вопросов — характерные черты народнической доктрины, особенности взглядов поколений 60-х, 70-х и 80-х гг., полемика с марксистами в 90-е гг. По мнению Иванова-Разумника, в основе народничества лежали две идеи — признание особого пути развития России и служение народу. Родоначальником этого направле-

ния общественной мысли России стал А.И. Герцен, а «главным теоретиком — Чернышевский» (9). Но в целом для историко-философских построений и экономических теорий 60-х гг. было характерно «догматически-оптимистическое» понимание перспектив развития страны и роли народа в их осуществлении. Для «практического народничества» семидесятников этого оказалось уже недостаточно. Потребовалось их критическое переосмысление П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским. Лавров первым открыл «принцип главенства интересов реальной личности при неизбежной и тесной связи ее с обществом...» и тем самым соединил наследие Герцена с практикой новой волны в народничестве. Главным теоретиком семидесятников, по мнению Иванова-Разумника, стал Михайловский, который сумел «отождествить интересы личности и народа», определил формы и средства деятельности интеллигенции, выявил «необходимость предварительной борьбы за политическую свободу». В его творчестве «русский социализм» достиг своего наиболее полного развития и пышного расцвета» (10).

Если для представителей либерального направления в отечественной историографии народничество представляло собой явление, присущее исключительно концу 70-х — началу 80-х гг. и связанное непосредственно с отходом от демократических традиций предшественников, то Иванов-Разумник вкладывал в это понятие преимущественно социалистическое содержание и отказывался от искусственного деления идеологов и практиков на «народолюбцев» и «народников». По его мнению, и тех, и других в равной степени объединяло признание особого пути развития России и жажда служения народу. И все же главное место в «Истории русской общественной мысли» принадлежит анализу «русского социализма», который определял основное содержание и направленность народнической доктрины.

Стремясь доказать преемственность идей социализма и дальнейшее их развитие в творчестве Михайловского, Иванов-Разумник наряду с этим признавал обозначившуюся тенденцию идеализации народа, превращения «идеала в идола», желание возвести народные мнения во главу угла всего мировоззрения. В основе такого «некритического народничества» лежало понимание отличительных черт народа. Для Михайловского и его сторонников («критическое народничество») главным представлялось участие в общественно-полезном производстве («народ — это труд»), «некритические народники» (газета «Неделя») настаивали на принадлежности к этой категории исключительно сельского населения страны («народ — это мужик»). Расхождения по этому вопросу стали, по мнению Иванова-Разумника, первым признаком разложения народничества. В 80-е гг. этот процесс завершился вполне закономерным «обмещанием» некогда цельной доктрины, воплотившимся в «теории малых дел и постепенности» (11).

Причины подобной эволюции коренились, как отмечал автор, в имманентно присущей всему народничеству утопии: придании слишком большого значения силам интеллигенции «в их воздействии на общественную жизнь страны», сознательном направлении «хода истории в желательную (...) сторону». Оказавшись в плену собственных представлений, народнические мыслители не смогли дать

реального и взвешенного анализа развития капитализма в стране, происходившей «дифференциации классов», все более возрастающей роли буржуазии. Далекое не случайно, что 80-е гг. стали временем анабиоза старого (социалистического) народничества, «эпохой разложения общины, гибели артели, смерти кустарничества». Даже Михайловский, «последний народник», который до закрытия в 1884 г. «Отечественных записок» пытался активно развивать «основные начала народничества», обогащать теорию «русского социализма», в дальнейшем приостановил свою деятельность в этом направлении (12).

Отметив серьезные расхождения между народниками-социалистами и сторонниками теории «малых дел», Иванов-Разумник не дал характеристики основных элементов «мещанского» («догматического») прочтения народничества, как, впрочем, и особенности позиции Михайловского в полемике по вопросам наследия 60—70-х гг. и соотношения политической и культурнической деятельности. Более значимым для него представлялось обоснование и доказательство идеи того, что в полемике с марксизмом в 90-е гг. как «критическое», так и «догматическое» народничество понесли серьезный урон. Правда, если вторая разновидность народнической доктрины была «разбита наголову», то в критике марксистской теории «Михайловский был гораздо ближе к истине, чем ортодоксальные марксисты». В конечном итоге, по мнению Иванова-Разумника, в идеологических сражениях победителей не оказалось: старое народничество «погибло под ударами марксизма, а марксизм разложился от внутренних противоречий». На смену ортодоксальному народничеству шло социалистическое и революционное неонародничество, к представителям которого относил себя и автор «Истории русской общественной мысли» (13).

И либеральную, и народническую историографию объединяло стремление понять закономерности эволюции народничества, исходя из внутренней логики его развития, смены социально-политических идей, на которые лишь опосредованно влияла общая обстановка в стране, изменение ее классовой структуры, становление новых отношений, и прежде всего, в экономике. Представление о принадлежности народнической доктрины исключительно к сфере интеллектуальной деятельности, свойственной русской интеллигенции, однако, не давало еще твердых оснований для выявления классификационных признаков разных направлений внутри народничества. Этим во многом и объясняется большое количество терминов, использовавшихся авторами, — «народолюбцы», «правомерные народники», «умеренная форма народничества», «догматическое», «оптимистическое», «критическое» народничество и т.п. Вместе с тем весьма показательно, на наш взгляд, отсутствие в этом перечне понятия «либеральное народничество». Для Иванова-Разумника, Венгерова и др. была очевидна неправомерность такой постановки вопроса. Либерализм и народничество изначально рассматривались ими как доктрины-антиподы.

Диаметрально противоположную точку зрения на эволюцию народничества заняли русские марксисты. Преобладающим тезисом в их анализе стало утверждение о прямой зависимости направлений общественно-политической мысли

от интересов определенных классов. Развитие капитализма в России поставило вопрос не только об изменении социального состава населения страны, но и о степени выражения интеллигенцией взглядов его новых слоев. Расслоение крестьянства, шедшее, казалось, быстрыми темпами и повторявшее в этом смысле опыт Западной Европы, подталкивало к выводу о постепенном, но явном размежевании некогда единого мужицкого состава деревни на мелкую буржуазию и сельский пролетариат. В связи с этим, логически рассуждая, должно было измениться и реальное содержание идей той части интеллигенции, которая считала себя разительницей чаяний и надежд крестьянства как целого.

Впервые мысль о мелкобуржуазном характере русского народничества была высказана в работах Г.В. Плеханова. В его интерпретации теоретический состав этого учения включал в себя западно-европейский утопический социализм, славянофильскую убежденность в особом пути развития России и веру «в прогрессивное воздействие революционной интеллигенции». На начальном этапе эволюции народничество объективно способствовало ликвидации пережитков крепостничества, установлению новых отношений в русской деревне. Революционное движение 70-х гг. воспринималось в целом и либералами, и людьми, далекими от политики, как гроза, которая, «если и не разрушит здания современных русских порядков, то все-таки значительно освежит воздух, озонирует (...) общественную атмосферу». Но постепенно у народников «стала прихрамывать „вера в народ“», а героическая борьба «Народной воли» закончилась поражением. В 80-е гг. интеллигенция «потеряла (...) всякую энергию», а народничество выродилось в представительство «под видом защиты интересов народа» интересов мелкой городской и сельской буржуазии (14).

Подчеркивая мелкобуржуазную сущность народничества, Плеханов настаивал на том, что участь превратиться в идеологов «мещанства» уготована всем, кто, «оставаясь внеклассовой и внесловной группой», не умеет «слиться с передовым классом и опереться в своей работе для лучшего будущего на железный рычаг классовой борьбы». Перед русской интеллигенцией вырисовывалась, таким образом, следующая перспектива: или ее силы будут направлены на служение интересам пролетариата, или придется проникнуться «*сознательно-буржуазными* теориями, которые и заменят *бессознательно-буржуазное* народничество» (15).

По мнению Плеханова, участь народнического учения была предопределена самим ходом социально-экономической эволюции страны. Ранее оно вполне соответствовало неразвитому состоянию общественных отношений в России, но с появлением новых классов должно было уступить свое место более зрелой социальной доктрине, объективно отражающей настоящее, прогнозирующей будущее и ориентирующейся в своей практике на революционную борьбу промышленных рабочих за кардинальное преобразование общества. На доказательство этой идеи были направлены полемически заостренные «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В.В.)», «К вопросу о роли личности в истории» и другие работы «первого русского марксиста».

Критикуя субъективную социологию, экономическую теорию народничества и практическую программу «малых дел», Плеханов не обращал внимания на принципиальные расхождения, существовавшие в среде народников. Политик брал верх над исследователем, а эмоциональная публицистика заменяла взвешенный научный анализ. Но даже в резких по тону выступлениях Плеханова мы не встречаем понятия «либеральное народничество».

Во многом сходной с взглядами Плеханова была и концепция народничества, предложенная В.И. Лениным. Это сходство проявлялось как в доказательстве жесткой зависимости основных элементов народнической доктрины от капиталистической эволюции России, изменений в социальной структуре страны, так и в политической интерпретации этих изменений. Во всей системе народнических воззрений Ленин выделял ее три основные черты: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом...; 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т.п. в частности...; 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов» (16). И Плеханов, и Ленин в равной степени акцентировали внимание на утопизме представлений о возможности миновать капиталистическую стадию развития, обосновании особого исторического пути России и особой роли русской интеллигенции. Правда, ленинская интерпретация исключала славянофильские корни генезиса народничества, обращение к которым не могло объяснить эволюции этого течения общественной мысли (17). Однако в главном — определении классовой сущности народничества — плехановская и ленинская концепции полностью совпадали.

«Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России», — так Ленин определял социальную основу и реальное содержание народнических идей. Возникнув в пору грандиозной ломки устоев крепостничества, политическая программа народников была рассчитана на то, чтобы «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества». А 60—70-е гг. стали эпохой «первых русских социалистов», эпохой «старого русского классического, революционного народничества». «Хождение в народ», деятельность «блестящей плеяды революционеров» снискали, по мнению Ленина, поколению семидесятников славу последовательных и решительных демократов-разночинцев (18).

Однако развитие товарно-денежных отношений в стране неминуемо размывало социальную основу народничества. К началу 90-х гг. XIX в., как писал Ленин, «капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси». Русские крестьяне уже стали товарными производителями, и в связи с этим крестьянство, как таковое, перестало быть единым, не представляло собой «...особого класса (...), так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата» (19).

С расколом русской деревни, появлением мелкого буржуа, непоследовательного в своих поступках и решениях, произошли существенные сдвиги и в идео-

логии народничества. По мнению Ленина, та пора, «когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединенное целое (...), безвозвратно канула в вечность». Крестьянский социализм распался на рабочий социализм и «пошлый мещанский радикализм». На этом этапе народничество попросту выродилось в «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства». Приветствуя программы, нацеленные на самоуправление, просвещение народа, подъем крестьянского хозяйства, он ни в коей мере не рассматривал их как программы социалистические. В представлении Ленина «...социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации...» (20). В связи с этим естественным и закономерным выглядело его стремление считать непосредственными предшественниками революционеров-марксистов основоположников «русского социализма» Герцена, Чернышевского», «превосходную» революционную организацию «Земля и воля» и партию «Народная воля». Именно последняя сделала «шаг вперед, перейдя к политической борьбе» (21). Ленин брал из «наследства» разночинцев революционную борьбу за социализм и оставлял за «эпигонами народничества», в лучшем случае, роль выразителей общедемократических настроений крестьянства.

По ленинскому мнению, процесс превращения народников «из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии» нашел конкретное воплощение в их практике 80—90-х гг., когда господствующими в легальной прессе стали требования содействия крестьянскому хозяйству и «мелкому народному производству» путем предоставления кредита, развития кооперации, мелиорации, расширения крестьянского землевладения. Новое поколение народников уже отказывалось от социалистических заветов предшественников, не покушалось на само существование буржуазного общества, хотело не уничтожения эксплуатации, а лишь смягчения ее (22).

Говоря об отказе от борьбы с существовавшим строем, Ленин, действительно, подметил стремление части народников свести всю деятельность интеллигенции к «теории малых дел». Это вполне справедливое заключение он не распространял на все народничество и не допускал тем самым известной нивелировки в духе Плеханова. Напротив, по мысли Ленина, между представителями этого общественно-политического течения «есть различия, иногда немалые»: есть позиция Михайловского, редакции журнала «Русское богатство», и есть позиция Воронцова, Юзова, Абрамова и др. По своей сути, эти «оттенки», «правые и левые фланги» знаменовали существование в народничестве «реакционной» (привязывание крестьянина к земле, старым способам производства, неотчуждаемым наделам) и «прогрессивной» (самоуправление, распространение знаний в «народе», подъем «народного» хозяйства) сторон, которые проистекали из двойственной природы мелкой буржуазии. По мнению Ленина, общедемократические черты народнической программы не задерживали, а ускоряли капиталистическое развитие страны, улучшая положение трудящегося и облегчая «его самостоятельное мышление и действие» (23).

Однако, вычленив из «дюжинной культурно-оппортунистической программы» ее буржуазно-демократическое содержание, Ленин вместе с тем отказывал левому крылу народничества 80—90-х гг. в заслуге обоснования необходимости политических преобразований. Наследниками традиций семидесятников, «прямыми, непосредственными потомками народовольцев» он считал членов партии «Народное право», которые сделали «шаг вперед, обосновывая политическую исключительно борьбу, не имеющую отношения к социализму, политической же исключительно программой». И хотя они, как писал Ленин, не полностью освободились от народнических предрассудков, их взгляды вполне можно было классифицировать как «переходное учение» к политическому радикализму новой эпохи, как одну из последних стадий «процесса превращения боевого, революционного народничества в политически-радикальный демократизм». Более зрелыми продолжателями идей народоуправцев в ленинской интерпретации становилось «либеральное «Освобождение», желающее группировать вокруг себя представителей буржуазной оппозиции в России» (24).

Итак, русское народничество, по мнению Ленина, исчерпало к концу века свой революционно-социалистический потенциал, да и в политическом плане должно было уступить свое влияние буржуазно-оппозиционному направлению. Но это его утверждение содержало в себе не только фактическое несоответствие реальности, но и явные теоретические передежки. Во-первых, столь резко им критикуемые как мнимые «друзья народа» Михайловский и другие члены редакции «Русского Богатства» приняли непосредственное участие в создании партии «Народное право» (25), а политическое лицо журнала определялось отнюдь не только требованием буржуазных свобод, но и приверженностью к социалистическим традициям «наследства». Стремление развести народников по линии «прогрессивного» и «реакционного» содержания экономических программ не отражало всего многообразия взглядов и интерпретаций процесса эволюции России, предлагаемых проектов реформирования страны. Для этого требовался конкретный научный анализ, а Ленин как политик стремился в первую очередь показать общую направленность эволюции теории и практики. Обобщения в лучшем случае давали возможность нового *объяснения* социальных причин трансформации доктрины, но создавали трудности в *понимании* закономерностей ее изменения в содержательном аспекте. Это, кстати сказать, отразилось и в достаточно длительном поиске Лениным термина для обозначения народничества 80—90-х гг. Рассматривая это поколение народников, как «чистейших идеологов мелкой буржуазии», он первоначально склонялся к интерпретации эволюции их идеологии в виде перерождения «крестьянского социализма» революционеров в «мещанский социализм» современников, которому было свойственен «культурнический оппортунизм», сливающийся с либерализмом (26). Термин «либеральное народничество» появился только в 1897 г. в статье «От какого наследства мы отказываемся?», где использовался для обозначения либерально-народнической прессы. И только в 1903 г. «либерально-народническое направление» было определено как «буржуазное реформаторство», образовавшееся в результате того, что в 80-е гг. «народничество расплывалось в либерализме...» (27).

Во-вторых, безапелляционность ленинских утверждений об окончательном закреплении капитализма в стране грешила известным преувеличением процесса капитализации производства и изменения социальной структуры общества. Ленин упускал из виду, что «полнейшее господство капитала» в такой огромной стране, как Россия, требовало длительного времени, в течение которого крестьянство как класс продолжает существовать, имея свои специфические интересы, взгляды, представления, в том числе и социалистические, но зачастую неосознанные и непоследовательные. Ленин же, напротив, единственного сторонника социалистических исканий находил только в пролетариате, а крестьянство рассматривал в лучшем случае как необходимого, но временного союзника, поддержка которого являлась одним из условий победы рабочего класса. «...Русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России», — так звучала ленинская мысль (28). Прямолнейное противопоставление прогрессивности одного слоя населения (пролетариата) патриархальности, неразвитости, традиционализму бытия другого (крестьянства) включало в себя не столько превознесение достоинств и порицание недостатков, сколько прагматизм целевой установки и одномерность политического суждения.

В-третьих, основные составляющие народнического мировоззрения рассматривались Лениным в значительной степени социологически, сквозь призму отражения во взглядах определенной части интеллигенции представлений, настроений, мечтаний русского крестьянства. По его глубокому убеждению, интеллигенция «не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы» (29). Однако столь узко утилитарное прочтение роли интеллигенции далеко от истины, ибо само ее появление связано с переходом общества на индустриальную стадию развития и постоянным возрастанием ее роли не только в процессе производства, но и в общественной жизни страны. Интеллектуальная сфера деятельности в настоящее время стала одной из главных, определяя во многом будущее человечества. Сила идей не менее (если не более) значима, чем мощь промышленного и военного потенциала. На рубеже веков уже было вполне очевидно влияние интеллигенции на социальный прогресс, да и она сама начинала осознавать свое предназначение и собственные интересы (30). Естественно, разные слои интеллигенции по-разному относились к острым проблемам современности, по-разному формулировали стоящие перед нею задачи, нередко связывая их с позицией того или иного класса. И все же *субъективно* считая себя выразительницей взглядов крестьянства, народническая интеллигенция *объективно* выражала собственное видение происходивших процессов и пыталась оказать на них влияние.

Безусловно, ленинская концепция русского народничества была наиболее цельной среди дореволюционных работ по данной проблеме. Логически выстроенная и основанная на классовых принципах марксизма, она позволяла сформулировать отношение к крупнейшему направлению общественной мысли страны в целях последующего политического использования. Еще раз повторим: к предмету своего анализа Ленин относился, прежде всего, как политик. В этом отношении он прямо следовал полемически заостренным выступлениям Плеханова. Не-

терпимость к оппонентам, обвинения в реакционности и утопизме так же были присущи его взглядам, как и лидеру группы «Освобождение труда». Борьба с народничеством, которая стала одной из главных целей в начале его политической деятельности, была направлена на доказательство правильности единственно верной научной теории развития общества (марксизма). Собственно, такой подход и позволял объяснять эволюцию народничества от «крестьянского социализма» 60—70-х гг. до его «растворения» в либерализме в 80—90-е гг. XIX в. Ленин был совершенно прав, констатируя, что не все народничество придерживалось социалистической ориентации. Но, указав на этот факт, он предпочел ограничиться его констатацией с чисто классовых, а не научных позиций.

Следует отметить, однако, что ленинское понимание причин и характера развития народничества не получило полной поддержки в среде российской социал-демократии. И хотя на начальных этапах деятельности некоторые марксисты были близки к оценкам Ленина, в дальнейшем они отошли от его узкоклассовой интерпретации.

Это произошло, например, с взглядами А.Н. Потресова (31), который связывал появление любой идеологии с деятельностью определенного класса, и в этом отношении народничество представлялось ему учением, «приуроченным к крестьянству». Как и Ленин, он считал, что демократическая интеллигенция, испытав крах классического народничества, эволюционировала в 80-е гг. в двух направлениях: к либеральному народничеству и революционному конституционализму. Но причины этого процесса коренились, по его мысли, не в социальном расслоении деревни, а в «идеализации интеллигенции, общества, власти» и сближении народников с прогрессивными элементами земства «на общей почве, так называемой культурной работы...». В результате наиболее разработанной оказалась именно экономическая программа реформ и совершенно не была определена «окраска» народничества «в области вопросов политического развития России». Тем самым Потресов склонен был объяснять трансформацию народничества исходя «из нарастающего группового самосознания интеллигенции». Как видим, отказ от жесткой классовой «привязки» не помешал обнаружить сближение части народников «с представителями современного им либерализма» и дать отличную от ленинского взгляда оценку «Русского богатства».

Позиция этой группы представлялась Потресову разновидностью «либерального народничества с наклоном к революционному конституционализму...», которая в конце 90-х гг., благодаря деятельности А.В. Пешехонова, В.А. Мякотина, В.М. Чернова, переродилась в новое народничество, более объективно оценивающее развитие капитализма и рост рабочего движения в стране (32). Таким образом, идеология крестьянства не лишалась политической перспективы и социалистического содержания, а либеральное направление внутри этого течения общественной мысли рассматривалось в качестве реакции части демократической интеллигенции на не выдержавшие проверку временем теоретические положения. Потресов был склонен к более объективному прочтению истории народнической доктрины, да и общий тон его работы тяготел к научному анализу, а не политической полемике.

В равной степени это заключение можно отнести и к произведениям Ю.О. Мартова (Цедербаума), и М.П. Неведомского (Миклашевского). Оба автора видели в народничестве выражение демократических настроений прогрессивной интеллигенции, содержащее идею служения народу, признание особого пути развития России и утопическую мечту «миновать ненавистную фазу капитализма». Но у Неведомского ничего принципиально нового в понимании закономерностей трансформации этого течения общественной мысли не было. Автор следовал схеме Иванова-Разумника, и только провел ее структуризацию, предложив более сжатое и популярное изложение (33).

Мартов, напротив, задался целью «проследить всю эволюцию легального народничества с точки зрения развития и раскрытия заключенных в нем с самого начала противоречий между его революционно-утопической враждой к всякой «буржуазности», ко всему укладу капитализма, и реформистски-приспособленческим оппортунизмом, вытекающим из стремления обойти путь классовой борьбы» (34). Этот поиск привел его к развитию идеи роста самосознания интеллигенции, присущей и Потресову. Легальное народничество в этом контексте отражало важные изменения, происходящие в среде демократической интеллигенции. В 70-е гг. оно играло «роль моста, соединяющего революционную партию (...) с лагерем либеральной оппозиции...». В эпоху реакции 80-х гг., когда произошел «бунт мещанской культурной толпы против идеологов, поставивших перед нею непосильную задачу» преобразования общества, легальное народничество раскололось на сторонников «завоевания для всей страны, для всех классов элементарных условий гражданской самодеятельности и (...) конституционной реформы» и приверженцев «обывательского индивидуализма». И, хотя идеология «малых дел» не могла подняться до цельной системы, все же «плоский и бескрылый мещанский либерализм «восьмидесятников» (...) был первичной формой самосознания интеллигентской массы, которая, как общественный слой, занимавший все более прочное место в буржуазном строе, перерастала идеологию и психологию интеллигентского «отщепенства» 60-х и 70-х гг.». В 90-е гг. легальное народничество представляло собой попытку создания активной общественной силы, союза «„либералов и социалистов“ для борьбы за политическую реформу...» (35).

Расхождения в понимании характера и причин эволюции русского народничества в среде российской социал-демократии весьма показательны для всей до-революционной историографии. Узкоклассовая и политизированная позиция Плеханова и Ленина, с одной стороны, и попытки объяснения развития народнической доктрины по мере роста самосознания интеллигенции — с другой носили в значительной степени оценочный, а не исследовательский характер. Свидетельством этого стало и весьма широкое терминологическое толкование оттенков народнических взглядов («догматическое», «оптимистическое», «критическое», «либеральное», «легальное») и отсутствие конкретно-исторических работ, посвященных анализу концепций наиболее известных и значительных личностей. Может быть, самым главным выводом, который следовал из полемики XIX — начала XX в., стало утверждение об отсутствии общей социалистической направленности народничества и определенной гибкости этой доктрины, достаточно быстро приспособляющейся к изменяющимся политическим условиям. Весьма скром-

ными оказались и результаты попыток периодизации. В основном авторы указывали на 1881 г. как дату начала перерождения народничества. Однако вопрос, насколько нереволюционные и несоциалистические тенденции были присущи предыдущим этапам эволюции, остался вне исследовательского поля.

Подобные итоги были вполне закономерными. В рамках политизированного подхода иного результата было трудно достичь. Однако общая картина приобретает определенную коррекцию при условии рассмотрения проблемы сквозь призму взаимоотношений общества и государства.

В России в течение длительного периода времени сформировался принцип безусловного главенства государства, когда обществу отводилась подчиненная роль даже не партнера, а исполнителя воли единственного актора исторического процесса. Государство считало себя вправе быть выразителем интересов общества, а любые выступления против таких ее функций расценивались как антиобщественные. Неусыпный контроль за «соблюдением правил игры» приводил к мнимой стабильности. А пресечение любой попытки выражения недовольства в условиях нарушения хрупкого равновесия системы (внутри или внешнеполитического кризиса) грозило завершиться гигантским социальным взрывом. Страна неоднократно оказывалась перед жестким выбором между революцией и реформой как единственным способом решения накопившихся проблем. Каждый из предлагаемых вариантов изменения процесса развития обладает собственными мерами и средствами действия, каждому свойственна собственная цена преобразований.

Так, сторонники реформ не приемлют революционных потрясений и отдают предпочтение в разрешении назревших противоречий компромиссу. Революционеры, напротив, поклоняются спасительной силе всеобщего недовольства, способной разрушить отживший строй и обеспечить поступательное развитие общества. Реформаторы, признавая общественный прогресс, вместе с тем не отрекаются от «наследства» и пытаются использовать его критически и выборочно. Вопросы, «насколько» и в «какой пропорции», разделяют их на радикалов, умеренных и консерваторов.

Подобная градация, на наш взгляд, вполне правомерна, поскольку противостояние между обществом и государством начинается отнюдь не с использования крайних форм. Любая оппозиция проводимому курсу проявляется первоначально как «оппозиция его величества». Наиболее остро ощущая существование серьезных проблем в государстве, представители интеллигенции, как правило, стремятся донести до власти свою обеспокоенность и предложить наиболее действенные, с их точки зрения, средства выхода из сложившейся негативной ситуации. В идеале такой вариант вполне возможен, поскольку государство смогло бы заручиться поддержкой определенной части населения и обеспечить необходимый кредит доверия. Однако отсутствие четкой программы реформ, нерешительность и непоследовательность действий нередко приводили к обратным результатам, когда власть, ограничившись лишь видимыми формальными и, следовательно, несущественными изменениями, использовала диалог с обществом лишь для сохранения и укрепления своих основ. А это приводило, в свою очередь, не только к разочарованию, апатии, но и радикализации общественных настроений.

В этих условиях власть вынуждена прибегать к политике консервативной стабилизации, понимаемой как регулируемость взаимоотношений общества и государства на основе векового опыта, норм поведения, ценностей духовной (религиозной) культуры. Его идеологическое оформление зачастую проще, доступнее и понятнее для большинства населения страны, чем неопределенные заявления радикалов. Однако применимость принципов защиты национальных приоритетов дает временный и непродолжительный эффект. После чего страна оказывается перед новым комплексом проблем, дополненных и обостренных проведением политики национализма и патернализма. Выход из этого кризиса уже невозможен путем реформ. Революция становится неизбежным следствием провала предыдущих попыток эволюционного продвижения в будущее. Как справедливо писал В.М. Чернов, «оправдание революции — не в выигрыше во времени и не в экономии сил. И то, и другое проблематично. Ее оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является *единственным* способом двинуться вперед там и тогда, когда и где упрямство и слепота господствующих, командующих групп или классов пытается глухою стеной остановить мощное и неудержимое историческое движение» (36).

Присущая российской истории система «общество — государство» дает возможность, на наш взгляд, несколько по-иному взглянуть на характер взаимоотношений между основными направлениями и течениями общественной мысли. Используя эти термины, мы сознательно вкладываем в них родовое и видовое содержание. Под направлениями понимаются либерализм, социализм и консерватизм, ставшие основными формами рационального осмысления социо-культурного существования человека и общества. Будучи порождением эпохи Просвещения, эти идейные конструкции включают в себе основные ценностные ориентиры, которые более двух столетий во многом определяют жизненный выбор подавляющего большинства жителей планеты.

В то же время как внутри каждого из указанных направлений, так и в «пограничных зонах» идейного соприкосновения в различные временные периоды происходило формирование *течений* общественной мысли, включавших достаточно разнородные заимствования. Порой это приводило к логичному синтезу, каким являлся, например, консервативный либерализм. Но чаще всего чисто механическое совмещение мировоззренческих установок не давало искомого результата, и подобные ментальные эксперименты представляют исключительно научный интерес. Ни в коей мере не отрицая сциентистской значимости указанного явления, вместе с тем необходимо учитывать и степень его влияния на общественную жизнь. А оно, как правило, было отнюдь не глобальным, и получало распространение среди незначительного числа сторонников.

Более предметно взаимоотношение направлений и течений общественной мысли, по нашему мнению, можно представить на примере соотнесения таких понятий, как «мировоззрение», «концепция», «теория», «доктрина», «идеология».

Представляется очевидным, что категория мировоззрения включает в себе наиболее общие представления о типе и характере эволюции общества, роли и месте человека в процессе прогрессивного развития социума. В значительной

мере мировоззрение — это структура, определяющая социологическую направленность и содержание концептуальных построений, оформленность экономических, политических, этических идей. Концепция и теория — научные формы выражения мировоззренческих установок. Их многообразие, взаимодополнение и обогащение создает то доктринальное единство, которое необходимо для понимания окружающего мира, законов его развития, выработки правил мышления, моральных ценностей. В этом плане доктрина — более совершенная система научного знания, получившая достаточно широкое распространение, поддержку и развитие не только в научных кругах, но и среди различных слоев населения.

Однако общность доктринальных установок не предполагает совпадения взглядов по более конкретным проблемам. Доктрина влияет, например, на становление идеологии. Вместе с тем сама идеология — более узкое понятие, характеризующее систему социальных и политических идей, отношений между людьми и обществом, программу деятельности по их трансформации. Представители одной доктрины могут придерживаться не во всем совпадающей идеологической направленности. Единство, зачастую, реализуется через множественность. А объективное понимание общих закономерностей воплощается в субъективном выборе методологии исследования. И если доктрина формирует представление о мире, человеке и обществе, то методологические проблемы рождаются из необходимости постижения истины, выработки принципов и инструментария извлечения знания. И в этом отношении методология может содержать элементы различных теоретических систем.

Тем более что формирование индивидуального мировоззрения происходит под влиянием различных факторов. К их числу относятся восприятие и истолкование наиболее значимых учений, их использование для объективизации собственной позиции, влияние событий социально-политической жизни и интеллектуальная реакция близкой по мировоззренческим установкам среды на происходящие изменения. Столкновение персонифицированного понимания окружающего мира с аналогичными, но не идентичными взглядами, рождает своеобразие и многообразие интерпретаций, что не исключает принадлежности к одной доктрине.

Как нам представляется, изложенные положения вполне возможно применить при анализе идейного арсенала умеренного крыла русского народничества. Народническая доктрина появилась как ответ на интенсивный процесс модернизации России и достаточно широкое распространение идей либерализма. Одним из ее главных составляющих элементов, безусловно, являлись социалистические идеи, противопоставляемые господству товарно-денежных отношений, капиталистической конкуренции и эксплуатации. Наряду с этим народничество выработало и собственный вариант эволюции, предполагавший опору на традиционные институты и ценности, национальные особенности и некоторые новации, почерпнутые из арсенала европейской цивилизации. Народнические идеи открывали возможность для активной деятельности значительной части отечественной интеллигенции. Деятельности (подчеркнем) как революционного, так и реформаторского толка. В зависимости от складывавшейся в стране ситуации на первый

план под лозунгом блага народа могли выходить как социалистические, так и антикапиталистические требования, порой даже близкие по своему звучанию к почвенничеству и консерватизму. Но всегда своего главного идейного противника и оппонента русское радикальное и умеренное народничество видело в либерализме, не принимая и отвергая предлагаемые им проекты общественного переустройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. — М., 2004.
- (2) Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. — М., 2005.
- (3) Венгеров С. Литературные заметки // Устои. — 1882. — № 9—10. — С. 88—89; он же. Народничество // Энциклопедический словарь. — СПб., 1897. — Т. XX-а. — С. 586.
- (4) Тихомиров Л. Летопись печати. Что такое народничество? // Русское обозрение. — 1892. — № 12. — С. 915.
- (5) Венгеров С.А. Восьмидесятые годы // Русская литература XX в. — М., 1914. — Т. 1. — С. 91; Пытин А.Н. История русской этнографии. — СПб., 1891. — Т. II. — С. 375; Овсянико-Куликовский Д.Н. Литература 70-х гг. // История России в XIX в. — СПб., 1907—1911. — Т. YII. — С. 46; Чешихин В.Е. (И. Ветринский). Очерк истории русской журналистики за 2-ю половину 19 в. // История русской литературы. — М., 1910. — Т. V. — С. 427, 433; Соловьев Е.А. (Андреевич). Очерки из истории русской литературы XIX в. — СПб., 1907. — С. 345.
- (6) Овсянико-Куликовский Д.Н. Указ. соч. — С. 47; Соловьев Е.А. (Андреевич). Указ. соч. — С. 346—347, 501.
- (7) Венгеров С. Литературные заметки // Устои. — 1882. — № 9—10. — С. 88, 89.
- (8) Л.О. Народники и г. Достоевский, бичующий либералов // Мысль. — 1880. — № 9. — С. 88, 89, 90.
- (9) Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. — СПб., 1908. — Т. 2. — С. 117—118, 112.
- (10) Там же. — С. 112, 125, 103, 108, 111.
- (11) Там же. — С. 112, 118, 325.
- (12) Там же. — С. 147, 189, 345, 347, 355.
- (13) Там же. — С. 344, 382—383, 447, 387.
- (14) Плеханов Г.В. Соч.: в 24 т. — М.; Л., 1925—1927. — Т. 3. — С. 254—255; — Т. 9. — С. 14.
- (15) Он же. Идеология мещанства нашего времени // Современный мир. — 1908. — № 6. — С. 119; Соч. — Т. 3. — С. 265.
- (16) Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 528—529.
- (17) Там же. — Т. 1. — С. 422.
- (18) Там же. — Т. 22. — С. 304; Т. 1. — С. 271, 272; Т. 8. — С. 77; Т. 24. — С. 334.
- (19) Там же. — Т. 1. — С. 393, 289.
- (20) Там же. — С. 280, 272, 286, 281.
- (21) Там же. — Т. 21. — С. 257; Т. 6. — С. 135; Т. 9. — С. 179.
- (22) Там же. — Т. 1. — С. 250, 452; Т. 8. — С. 77.
- (23) Там же. — Т. 2. — С. 529, 545; Т. 1. — С. 530.
- (24) Там же. — Т. 1. — С. 343, 345, 302; Т. 2. — С. 440, 446, 463, 464.
- (25) См. подробнее: Широкова В.В. Партия «Народного права». — Саратов, 1972.
- (26) Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 306, 413, 283.
- (27) Там же. — Т. 2. — С. 550; Т. 8. — С. 77.
- (28) Там же. — Т. 1. — С. 310.

- (29) Там же. — Т. 14. — С. 191.
- (30) См. подробнее *Березовая Л.Г.* Самосознание русской интеллигенции начала XX века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1994. — С. 29—30.
- (31) О значительной близости взглядов А.Н. Потресова и В.И. Ленина в 1897 г. свидетельствует, например, ленинское признание в том, что он не видит между собой и Потресовым разногласий. Если сам Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?» задавался вопросом, «как относятся ученики к русскому демократизму вообще, отказываются ли от него, «то Потресов в статье «О „наследстве“ и наследниках» обратился к проблеме «каковы были отношения между разного рода демократами в доброе старое время» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 46. — С. 27).
- (32) *Потресов А.Н.* Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в начале XX в. — СПб., 1909. — Т. 1. — С. 539, 547, 549, 598, 599, 600.
- (33) Неведомский выделил 4 основных этапа эволюции народничества. Первый из них охватывал 60-е гг., когда наибольшее распространение получили утопическая герценовская «идеализация общины и «устоев»...» и вера в социалистические настроения народа. Однако уже семидесятники («критическое народничество» второго этапа) вынуждены были в значительной степени пересмотреть эти зыбкие положения и заменить их «жертвенным индивидуализмом» служения народу. К концу 70-х гг. социальный утопизм народников начал переходить «в политический либерализм и радикализм, лишь окрашенные пережитками прежней идеологии...». Третий этап (80-е гг.) — стадия окончательной ликвидации народничества, появления внутри него демократического и культуртрегерского направлений. На четвертом этапе (90-е гг.) бывшее социально-утопическое учение народничества завершило свое превращение в идеологию политического радикализма (*Неведомский М.* 80-е и 90-е годы в нашей литературе // История России в XIX в. — СПб., 1911. — Т. IX. — С. 4, 13, 21, 23).
- (34) *Мартов Л.* Общественные и умственные течения в России 1870—1905 гг. — Л.; М., 1925. — С. 3.
- (35) Там же. — С. 47, 67, 62, 62, 68, 75.
- (36) *Чернов В.* Рождение революционной России. — Париж, 1934. — С. 29.

THE IMAGE OF REFORMATIVE POPULISM (NARODNITCHESTVO) IN THE WORKS OF RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIANS

V.V. Zverev

Department of Russian State History
President of RF' Russian Academy of State Service
Vernadsky Ave., 84, Moscow, Russia, 119606

The article represents the analyses of the term «liberal populism (liberal narodnitchestvo)», which was introduced into practice by Russian historians relating to the moderate wing of the one of the most important Russian socio-political movement of second part of the XIXth century. The prominence is given to the reasons, which had influenced on the prevailing opinion of pre-revolutionary historians about this movement. At the same time the article presents some new approaches to the history of the social and political ideas in Russia.